

ГЛАВА 1,

ГДЕ ВСТРЕЧАЮТ СТАРУЮ ЗНАКОМУЮ И ПОДАЮТ НЕПРОШЕННЫЕ ПИРОЖНЫЕ

Скажем просто: они никогда не стали бы участвовать в расследовании убийства. Но, как потом сказала Тельма, все случившееся (во всяком случае, поначалу) — неотъемлемая часть жизни в маленьком городке. Случилось кое-что, потом кое-что еще, а потом еще и еще. Пэт пошла в банк в Тирске, а не в Рипоне, Лиз столкнулась с Паулой в то утро в «Теско»¹.

Первое в череде событий произошло потому, что по четвергам они проводили традиционное «кофепитие» в кафе в садовом центре Тирска. Не в среду, потому что Тельма целый день работала в благотворительном магазине, и не в пятницу, потому что в это время Пэт любила ходить в фермерский магазин, а Лиз забирала внука из школы. И, по негласной договоренности, ни в понедельник, ни во вторник, ведь это начало недели, а им казалось, что лучше встречаться, когда неделя идет на убыль. Это напоминало о тех временах, когда они преподавали в начальной школе Святого Варнавы: утренние перемены в пятницу сопровож-

¹ «Теско» — популярная сеть британских супермаркетов.

ждались чувством предвкушения — и шоколадным печеньем. Это были дни, когда жизнь привязывалась к выходным — два долгожданных дня вдали от гуаши и зарядки, рисунков губкой и прописей.

С тех пор как все они вышли на пенсию (Пэт — два года назад, Тельма и Лиз — четыре), выходные, скажем честно, несколько утратили это особое качество, этот сакральный, выхваченный украдкой блеск. По правде говоря, дни даже стали какими-то... одинаковыми — воскресенья, вторники, четверги, — и с этим единообразием приходилось бороться с помощью книжных клубов, фитнеса и смен в благотворительном магазине. Бороться, но не признавать.

Отсюда кофе по четвергам в садовом центре Тирска (удобная парковка, почти нет туристов).

И будь это не четверг... не кафе в садовом центре... они бы не встретили Топси и Келли-Энн и, что самое важное, Тельма не наткнулась бы на Топси, плачущую в туалете, — а, по общему мнению, с этого все и началось.

Итак: четверг, кафе в садовом центре, около одиннадцати тридцати утра. Унылый, морозящий день в конце февраля, когда мокрая зима сменилась наконец не менее мокрой весной, и витринам с надписью «Приготовьтесь к новому сезону!» пришлось потрудиться, чтобы создать образ перемен и веселья. Легкий дождь размазывался по окнам кафе, и все вокруг казалось мокрым — мокрым, темным и капающим. Поля вокруг города заполнили огромные зеркальные плиты воды, дороги и переулки были помечены знаками, предупреждающими

о наводнении, а в кафе отчетливо пахло сырими пальто и леденцами от кашля.

Заведение было заполнено примерно на две трети Людьми Определенного Возраста (любимое выражение Пэт). Дочери, пригласившие родителей на кофе, странная молчаливая семейная пара, угрюмо поглощающая полный английский завтрак, и в основном такие же компании друзей, как они сами: кофе, пирог и болтовня.

Расположившись за любимым столиком (круглым, в дальнем углу, подальше от стойки с подносами и магазина Эдинбургской шерстяной фабрики), они обменивались новостями: у младшего сына Пэт, Лиамы, появилась первая девушка — да, приятная вроде, но, кажется, какая-то поэтесса с одной из этих кельтских татуировок на предплечье — не помешает ли это Лиаме сдать экзамены и поступить в Дарем на строительный факультет? («С Божьей помощью», — сказала Лиз. «Да при чем тут Божья помощь», — ответила Пэт, — ему нужно сосредоточиться на оценках, а не на кельтских поэтессах»). Потом обсудили внука Лиз, Джейкоба, который, несмотря на то что учился в лучшей школе Бороубриджа у лучшей учительницы (безупречная миссис Белл, рейтинг пять звезд), оказывался во всех группах поддержки для детей с особыми потребностями. Вдобавок у него все чаще случались приступы, которые Лиз именовала «срывами». Тревожнее всего было то — Лиз фирменно нахмурилась, — что в школе начали намекать: к сожалению, им, кажется, стоит рассмотреть Новые Варианты.

Беседа подходила к концу: они уже обсуждали последнюю серию саги о завуче из их старой школы и ее новых персональных номерных знаках («Все что надо знать о системе образования», — мрачно заметила Тельма), когда Лиз неожиданно выпалила: «Это Топси», как будто обсуждение бывшего места работы каким-то образом материализовало их бывшую коллегу.

Тельма и Пэт огляделись. Тельма ожидала увидеть резкие, но немного мрачноватые черты лица — черты, которые идеально соответствовали решительным записям в детских тетрадях по чтению «Читает с НЕКОТОРОЙ беглостью. ПОЖАЛУЙСТА, попробуйте дочитать эту книгу дома». Пэт инстинктивно проверила бюст, пригладила волнистые волосы, выкрашенные хной, и поправила легкий яркий шарф, припомнив так ясно, словно наяву услышала его, тот неодобрительный возглас в глубине горла, который сопровождал многое, что годами она делала перед Топси: обильное использование блескок, пародирование школьного секретаря, чрезмерно восторженное исполнение песни «Мы идем охотиться на медведя».

Но первой они увидели не Топси, а Келли-Энн, ее дочь, некогда похожую на принцессу Златовласку: она стала старше, располнела, на ее лице проступили мрачные йоркширские черты матери, но в ней по-прежнему оставалось что-то от принцессы (розовое пальто «Шанель», сумочка «Майкл Корс», золотые локоны, явно уложенные в салоне классом повыше, чем «Завивка и окраска», куда они ходили). Она оглядывала переполненное пространство в по-

исках свободного столика. Тельме, поклоннице черно-белых *фильмов*, она тут же напомнила Бетт Дейвис¹; казалось, над головой Келли-Энн вот-вот всплывет надпись «Что за дыра!».

А рядом с Келли-Энн стояла сгорбленная фигура, скрючившая руку, будто ребенок на пешеходном переходе... растерянное раскрасневшееся лицо подрагивало, она яростно оглядывалась по сторонам, словно недоумевая, где находится и что от нее хотят. Затем это лицо прояснилось, и Тельма с Пэт наконец узнали некогда эффектные, но грозные черты бывшей воспитательницы, Топси Джой. Ее имя всегда вызывало у Пэт (у которой была привычка давать людям прозвища) ассоциации с детскими книжками с картинками — «Топси Джой в парке», «Топси Джой на море». Возможно, именно поэтому Топси старалась быть такой жесткой, чтобы компенсировать неверное впечатление, которое могло произвести ее имя.

Когда Келли-Энн услышала восклицание Лиз и увидела всех троих за столиком, ее лицо прояснилось от внезапного облегчения, как будто именно их она и ожидала тут встретить.

— Смотри, кто здесь, — сказала она, слегка встряхнув Топси. — Мама, посмотри, кто это. — Она лучезарно улыбнулась им; что-то в ее радости, в нарочитости слов, обращенных к матери, создавало впечатление, будто их подчеркнули розовым

¹ Рут Элизабет «Бетт» Дейвис (1908–1989) — американская актриса, первая в истории мирового кинематографа номинированная на 10 премий «Оскар».

фломастером. Все трое исподтишка переглянулись: никто и никогда не разговаривал таким тоном с Топси. Но та, похоже, вообще мало что понимала; ни тени узнавания не проскользнуло по ее лицу, пока Келли-Энн осторожно подводила ее к столику.

— Ну вот, — сказала Лиз. Но Топси отшатнулась от улыбающейся женщины в зеленом кардигане, разглядывая ее короткие седые волосы и морщины, как будто пыталась вызвать к жизни какое-то давнее воспоминание. — Сколько лет, сколько зим, — добавила Лиз уже менее уверенным тоном.

На самом деле прошло уже более полутора лет с тех пор, как они видели ее на похоронах Гордона: тогда они стояли, прижавшись друг к другу, на церковном дворе в Балдерсби. Лицо Топси застыло, как маска, а Келли-Энн каким-то образом съежилась и стала похожей на ребенка.

— Мы просто вышли прогуляться. Проветриться немного, — произнесла Келли-Энн. — Правда, мама? — И снова этот теплый, веселый, но нарочитый тон с ноткой усталости, которая ни от кого не ускользнула. Все трое уставились на Топси, а та посмотрела на них в ответ так, будто напряженно разгадывала sudoku и ее прервали.

Момент нарушила внезапная вспышка жизнерадостной энергичной баллады (Арета Франклин¹, определила Пэт). Келли-Энн принялась лихорадочно рыться в сумочке «Майкл Корс» и выудила оттуда ярко-розовый телефон.

¹ Арета Луиза Франклин (1942–2018) — американская певица, известная как «королева соула».

— Дамы, мне *необходимо* ответить, — сказала она серьезным, сожалеющим тоном, словно ей звонил младший член королевской семьи. — Отлучусь буквально на две секунды.

Келли-Энн была не совсем права: две секунды растянулись на тридцать три с половиной минуты. Впоследствии каждой казалось, будто Келли-Энн в какой-то степени навязала им свою мать. («Не то чтобы мы возражали. Бедолажка. Ей нужен был перерыв», — сказала Лиз позже Пэт. «Ну, она его, конечно, получила», — ответила та.) И да, конечно, никто из них не возражал, нисколько, но, скажем честно, последующие тридцать три минуты были довольно напряженными.

Не то чтобы они были не рады Топси, просто это было совсем не то, что Лиз называла «как в старые добрые времена». С самого начала было ясно: у Топси какие-то трудности. Во-первых, разговор не клеился — другого слова не подберешь: все реплики и вопросы, обращенные к Топси, были встречены недоуменным молчанием. словно помехи в телефоне; как будто Топси не слышала или не понимала совершенно ясные замечания о детях, праздниках, неурядицах в новом супермаркете «Олди», больных коленях и протекающих водостоках.

А еще те странные замечания Топси. О Гордоне, своем покойном муже, она говорила в настоящем времени, как будто тот отлучился в гольф-клуб, а не лежал на кладбище в Балдерсби. О Келли-Энн, как будто она все еще училась в школе, — а затем другие, бессвязные реплики о непрочной изгороди

или людях, приходивших в гости. Все эти замечания не имели ни малейшего смысла. Пэт пыталась поправлять Топси; однако опыт научил Лиз (с матерью Дерека) и Тельму (с тетей Айрин) обратному. Слушая Пэт, Тельма вспомнила, как тетя Айрин настаивала на том, что дядя Билл (покойный) просто спустился в огород, и как раздраженные поначалу возражения матери со временем сменились усталым «Да неужели, Айрин?».

Разговор о школе Святого Варнавы шел немного лучше, хотя было очевидно, что Топси понятия не имела, что школа стала академией (или, если уж на то пошло, что вообще такое академия). К тому же она, похоже, считала, что Тельма еще не вышла на пенсию, хотя именно она подарила ей кофеварку на прощание.

Мало того что разговор шел с трудом, так они уже задержались на двадцать пять минут дольше обычного. Лиз (украдкой бросавшей измученный взгляд на часы) нужно было забрать чай для Джейкоба, а еще ей хотелось присмотреть растения для клумбы. Тельме пора было сменить Верну в благотворительном магазине, а Пэт наполовину мечтала о шопинге в «Кантри-Кэжуалс»¹ в Харрогите. Другая половина — больше половины — подумывала о том, чтобы вернуться домой пораньше и осмотреть спальню Лиама: не найдет ли она там следы кувырканий с кельтской поэтессой?

Но было и что-то еще. Что-то, что привнесло нотку холода и сомнений в их привычный ежене-

¹ «Кантри-Кэжуалс» — британская марка одежды, которая принадлежит Эдинбургской шерстяной фабрике.

дельный ритуал «кофепития». Болезнь, которая явно нависла тенью над Топси, они в разное время наблюдали у бабушек и дедушек, потом у родителей, у посетителей церкви, у бывших коллег и — все чаще теперь — у партнеров и друзей из числа ровесников. Приходилось смотреть правде в лицо: от старости никуда не деться и с этим может столкнуться каждый. Если деменция случилась с Топси, решительной и здравомыслящей Топси, которая могла пробраться через кучу грязных палитр с краской быстрее, чем кто-либо в «Блю Бейс», то она, несомненно, могла случиться и с ними.

Так что все почувствовали облегчение, когда Келли-Энн объявилась у столика («Простите, дамы!»), а ее самозабвенный смех прикрыл тридцать три минуты и объемистую сумку от Эдинбургской шерстяной фабрики. Отсутствие явно пошло ей на пользу: она выглядела намного счастливее, как весенние цветы, более сияющей, улыбчивой, яркой... Она несла с собой поднос, где было кофе на всех плюс пять изумительных вишневых пирожных розового цвета.

— Сегодня день пирожных, дамы! — весело объявила она. — Пирожные, мама! — Она поставила поднос и неожиданно крепко обняла Топси сзади, от чего у Тельмы на глаза навернулись слезы. Что бы ни ждало Топси в будущем, в нем также была Келли-Энн, ее опора.

На самом деле никто не хотел сладкого. Тельма наелась тостами, Пэт страдала от своего обычного послепирожного чувства вины перед калориями, а Лиз с откровенным ужасом смотрела на свой